

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

РУССКИЕ ЭТИКЕТНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ С ХРИСТИАНСКОЙ СЕМАТИКОЙ

А.А. Балакай

Ключевые слова: русский речевой этикет, этикетные обращения.

Keywords: Russian speech etiquette, etiquette address forms.

Несмотря на длительную историю изучения, обращения по-прежнему продолжают привлекать внимание исследователей. Суждения ученых о семантике и грамматике обращений существенно разнятся, что в немалой степени обусловлено двойственной природой, внутренней противоречивостью, семантическим синкретизмом, неоднородностью обращений, а также разными подходами к их изучению. В то же время в системе речевого этикета обращения занимают важное место. Они помогают устанавливать и поддерживать речевой контакт с собеседником, регулировать представления о ролевых и статусных позициях коммуникантов, их социальных и личных взаимоотношениях, о ситуации общения в целом. Поскольку единицы речевого этикета употребляются главным образом с целью установления и поддержания вежливых, доброжелательных или официальных отношений между собеседниками, то не всякое обращение можно считать этикетным. Под этикетными обращениями понимаем слова и устойчивые словесные формулы, обладающие синтаксически обусловленными и ситуативно связанными, нередко идиоматичными значениями, узуально употребляемые в общении с целью призыва адресата (собеседника), установления или поддержания с ним речевого контакта в эмоционально положительной (вежливой, доброжелательной) или официальной тональности в соответствии с коммуникативной ситуацией. Выбор и употребление форм обращений

в соответствии с речевой ситуацией является показателем коммуникативной компетентности человека. Выявить закономерности функционирования обращений в речевом общении позволяет коммуникативно-прагматический подход. Он дает представление о социостилистических свойствах обращений, содействует коммуникативной компетенции изучающего язык.

Предметом исследования в настоящей статье является относительно небольшая, малоизученная группа этикетных обращений – обращения с христианской семантикой, которые рассматриваются с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. Изложение и интерпретация языковых фактов опирается на данные толковых, исторических, этимологических словарей, а также словаря русского речевого этикета.

В русском речевом этикете есть слова и устойчивые выражения, прямо или опосредованно связанные с религиозным мировоззрением, которое во многом определяло традиционный обиход и культуру русского народа.

Фразеологизированное обращение *мой ангел* (*ангел мой*) является калькой с французского *mon ange* и первоначально употреблялось в светской речи на французский манер: *Старушки с плачем обнялись, И восклицанья полились. «Княжна, mon ange!» – «Pachette!» – «Алина!» – «Кто б мог подумать?» – «Как давно!» – «Надолго ль?» – «Милая! Кузина!»*¹ (А.С. Пушкин. Евгений Онегин). В православном мировоззрении образ ангела является одним из ключевых, значимых. Согласно христианскому вероучению, ангелы – это сотворенные Богом духовные, бестелесные и бессмертные существа, одаренные волей, совершенным разумом, нравственной чистотой и могуществом. Ангелы могут принимать телесный вид, когда являются людям, чтобы исполнить или возвестить волю Бога. Ангел-хранитель – данный от Бога каждому христианину при крещении ангел, который невидимо охраняет человека от бед и напастей, предостерегает от грехов и направляет на добрые дела. Не случайно обращение *мой ангел* (*ангел мой*) сопровождается неизменно ласковой коннотацией, и употребляется оно преимущественно по отношению к близкому, любимому человеку, равному или младшему по возрасту, положению, чаще к женщине, девушке или ребенку: *Бабушка заговорила трогательным, нежным голосом: «Поди сюда, мой дружок, подойди, мой ангел»* (Л.Н. Толстой. Детство).

¹ Здесь и далее иллюстративный материал приводится по «Словарию русского речевого этикета» [Балакай, 2007].

В некоторых ситуациях обращение *ангел мой* (*мой ангел*) может приобретать ласково-снисходительный или иронический оттенок, теряя при этом прагматический компонент близости, но сохраняя отношения «старший – младшему»: [*Соленый (Тузенбаху):*] *Через двадцать пять лет вас уже не будет на свете, слава богу. Года через два – три вы умрете от кондрашки, или я вспылю и всажу вам пулю в лоб, ангел мой* (А.П. Чехов. Три сестры).

В возвышенной или поэтической речи встречается также этикетная формула «ангел + род. падеж существительного»: [*Хлестаков:*] *Прощайте, Антон Антонович!.. Очень обязан за ваше гостеприимство!.. Прощайте, Анна Андреевна!.. <...> Прощайте, ангел души моей Марья Антоновна!* (Н.В. Гоголь. Ревизор).

Дополнительное субъективно-оценочное значение передается и диминутивными формами: *ангеленок, ангелок, ангелочек, ангелушка, ангельчик*, в областной речи также *ангелюточка*. Например: *Однако же в воображении моем так и засветила ваша улыбочка, ангельчик, ваша добренькая, приветливая улыбочка; и в сердце моем было точно такое ощущение, как тогда, как я поцеловал вас, Варенька, – помните ли, ангельчик?* (Ф.М. Достоевский. Бедные люди).

Обращения *крещеный, крестный, крестовый, христовый* объединяются в одну группу по своей грамматической структуре – довольно многочисленной в русском речевом этикете – обращений в форме субстантивированных прилагательных (как *милый, любимый, золотой, уважаемый, почтенный* и т.п.). Подобные обращения образованы, вероятно, в результате эллипсиса составных (чаще двухкомпонентных) формул вежливого, почтительного или ласкового обращения: *милый человек, уважаемый господин (товарищ, Иван Петрович), почтенный господин, любезный друг* и т.п., в которых прилагательное несет основное оценочное, прагматическое (в данном случае этикетно-комплиментарное) значение. Тем не менее обращение типа *уважаемый* не является вариантом обращения *уважаемый господин (товарищ, Иван Петрович)*. Это разные обращения. У однокомпонентных обращений в форме субстантивированных прилагательных, хоть и сохраняется оттенок вежливости, но степень вежливости по сравнению с многокомпонентной формулой снижается. Однокомпонентные обращения в форме субстантивированных прилагательных относятся в большинстве своем к разговорной речи и просторечию и в зависимости от ситуации могут иметь различные коннотации – от обиходно-бытовой до фамильярной.

Обращение *крещеный* относится к числу устаревших. Так обычно пожилой крестьянин доброжелательно обращался к незнакомому

человеку. Восходит это обращение к двухкомпонентной формуле *крещеный человек*. Например: *Игуменя лежала в другой комнате на деревянной кровати. Та же послушница пригласила гостей к самой. – Кто там, крещеный человек? – спрашивал старушечий брюзжащий голос. – Никак ты, попадьё?* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Охонины брови). Более употребительно во множественном числе к окружающим, знакомым и незнакомым людям: *крещеные* или *мир крещеный*: *Вечером народ соберется, я сказываю. Мужиков людно сидит, торопиться некуда, кабаков нет. Вечера не хватит – ночи прихватим... Далё один по одному засыпать начнут. Я спрошу: «Спите, крещеные?» – «Не спим, живем! Далё говори...»* (Б. Шергин. Двинская земля).

По ситуативной семантике и прагматике обращения *крещеный*, *крещеные*, *мир крещеный* синонимичны обращениям *православный*, *православные*, *мир православный*. Подобные обращения к окружающим, мирянам бытовали в дореволюционной России, преимущественно среди крестьян: *«Православные! – крикнул ободренный Филипп, все более и более воодушевляясь, – выходи, братцы, кто к управителю поедет!»* (Д. Григорович. Пахатник и бархатник). [Никита:] *Мир православный! Виноват я, каяться хочу.* (Л.Н. Толстой. Власть тьмы). Следует отметить, что обращения к женщине *крещеная* или *православная* в словарях не отмечено. По-видимому, таких обращений не существовало.

Обращение *крестный* и сегодня еще употребляется по отношению к крестному отцу; *крестная* – к крестной матери: *«Кресна, ты куда полотенце положила, че-то найти не могу»* (Разговорная речь, 1996). Восходят эти обращения к составным наименованиям *крестный отец*, *крестная мать*, а также к устаревшим учтивым обращениям *папа кресный*, *мама кресна(я)*, *крестный папенька*, *крестная маменька*. Например: *У церковных ворот пересек мне дорожку маленький семинаристик, в длинном нанковом зеленом сюртучке. «Здравствуйте, папенька крестный», – проговорил он. Когда я его крестил, – совершенно не помню. «Здравствуй, милый! Ты чей?» – «Отца дьякона, папенька крестный», – отвечал он* (А. Писемский. Плотничья артель).

Есть в русском речевом этикете и обращение к крестным детям: *крестник* (*крестничек*) – обращение к крестному сыну, *крестница* – обращение к крестной дочери: *Володька Рыжий, крестный, которому было по пути, пошел рядом с Захаром и на повороте <...> придержал Захара за плечо. – Знаешь, Захарка, Поливанов обхаживает тебя, смотри, крестничек, не зацепись за эту кошку-*

то. Крючья наострены до блеска, вмиг пронзят. (П. Проскурин. Судьба).

Как известно, крестный отец и крестная мать – это восприемники ребенка от купели, которые, по христианским канонам, духовно опекают крестника или крестницу, а в случае, если дети рано осиротеют, берут на себя и материальную заботу о них. Для родителей крестника или крестницы и по отношению друг к другу крестные являются кумовьями: *Ксения подошла к комоду, достала платок. «Вот, смотри, кум, какой гостинец мне. <...> Не забыл меня сынок. Помнил, так что ты зря на него...» – «А я ничего, кума. Так, к слову пришлось...»* (С. Воронин. Проездом).

Впрочем, детей в старой России рождалось много, крестили всех, и кумовство было так широко распространено, что, случалось, все взрослые жители села приходились друг другу кумовьями. В.И. Даль приводит поговорки: «Четыре двора, а в каждом дворе кум да кума». «Были бы родины, а крестины будут». Не случайно, по-видимому, встречаются в крестьянском обиходе доброжелательные обращения кум, кума и в адрес односельчанина, соседа, приятеля – таким образом, происходит расширение прагматического значения этих обращений: *«Давай-ка присядем на канаве, Карпушка, да покалякаем. Можя, соврешь что-либо. Без твоей брехни прямо как без курева, ей-богу. Соври, голубок», – смиренно попросил Илья Спиридонович. «Неколи мне, кум, – он всех затонских мужиков именовал кумовьями, – тороплюсь»* (М. Алексеев. Вишневый омут).

Обращения *крестовый, крестовая* восходят к словосочетаниям *крестовый брат, крестовая сестра* и связаны с бытовавшим в старой России обычаем побратимства, когда парни или мужчины в знак братской дружбы и верности обменивались нательными крестами. То же делали девушки и женщины. После обмена крестами назывались *крестовыми* (или *названными*) *братьями* и *сестрами*, или просто *крестовыми*. Однако не следует путать это обращение с жаргонным обращением карточных гадалок, в речи которых *крестовый, крестовая* (от названия карточной масти *крести*) употребляется по отношению к брүнетам, брүнеткам.

Иногда обращение *крестовый* адресовалось собеседнику метафорически, как ласковое, дружеское обращение. – *Ну полно, Петро! полно, крестовый, ругаться-то грех!* (Словарь русских народных говоров). *Мы, крестовая, с тобой Буйные головушки, Попадай ко мне в снохи, А я к тебе в золовушка* (Частушка). В этом значении *крестовый, крестовая* сближаются с обращениями *христовый, христовая*.

Обращения *христовый, христовая, христовые* (*христовенький; -ая; -ие*), а также производное *христовушка* восходят к просторечному и областному ласково-вежливому *христов человек* – милый, добрый человек: «Христов-человек, милосердный, добрый»; христовушка – «милый, сердечный, болезный, дорогой мой» (В.И. Даль). *На бабу-странницу они наткнулись с молодым парнишкой-шофером <...> неожиданно-негаданно. Вмиг догнали, дали тормоза. «Садись, старая!» – «Спасибо, родимые. Своим ходом пойду». – «Садись, говорят. Кто теперь пешком ходит!» – «Нет, нет. Спасибо, христовые. Меня и свои могли подвезти...»* (Ф. Абрамов. Дом). Ласково-вежливое обращение *христов человек* употреблялось крестьянами по отношению к незнакомому мужчине, равному по положению, например: «Отколе тебя Бог несет, христов человек?» – начал Матюшка. «Мы из троскиных... Знаете село Троскино?..» – отвечал со вздохом Антон (Д. Григорович. Антон-Горемыка).

Христов человек, то есть христианин – «верующий во Христа, исповедник Евангелия; человек крещеный, над кем совершен обряд крещения» (В.И. Даль) – а значит «свой, православный» (ср. противоположное *нехристь* – «не христианин, некрещеный; бранно, бусурман» В.И. Даль).

Можно сказать, что обращения *крещеный, крестный, крестник, крестовый, христовый*, этимологически родственные словам *крест, Христос, христианин, крестьянин*, а также обращения *ангел (мой ангел), православный, православные, кум, кума* являлись комплиментарными обращениями (пожалуй, даже в большей степени, чем современные *уважаемый, дорогой*), так как не просто называли, но подчеркивали духовную общность адресанта и адресата – «свой», «русский», «православный христианин» – что обусловило и закрепило уважительную тональность этих обращений в русском народном общении.

Литература

- Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2007.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
Словарь русского языка. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.
Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.